

УДК 811.161.1'38

К ВОПРОСУ О ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

Синица И.А.

Проблема взаимосвязи сознания, языка и культуры достаточно глубоко, всесторонне и убедительно исследована как в отечественном, так и в зарубежном языкознании. Начиная с работ И. Гердера, называвшего сравнение языков «наипрекраснейшим эссе об истории и разнообразнейшей характеристикой человеческого разума, ибо в каждом из них втиснут разум данного народа и его характер» [7, с.233], в данных исследованиях преобладает идея о единстве языка, культуры, общества и национального духа. В соответствии с теорией «сравнительной антропологии», В. Гумбольдт говорил о возможности с помощью языка «обозреть самые высшие и глубокие сферы, все многообразие мира» [8, с.6]. Идеи В. Гумбольдта были подхвачены и развиты в XIX в. Разработка этих проблем связана с именами создателей мифологической школы братьев Гримм, их российскими продолжателями Ф.И. Буслаевым, А.Н. Афанасьевым, А.А. Потебней и другими исследователями. В начале XX в. анализом проблемы «язык и культура» занимался Э. Сепир, утверждавший, что «язык не существует и вне культуры, т.е. вне социально унаследованной совокупности практических навыков и идей, характеризующих наш образ жизни» [15, с.163]. Таким образом, «всякий языковед, изучающий язык данной культуры, ... непременно становится исследователем той культуры, к продуктам которой принадлежит избранный им язык» [6, с.247].

Актуальность. Обращаясь к анализу языковых фактов, мы тем самым приближаемся к культуре определенной эпохи в целом и культуре личности в частности. При этом важно не забывать о накопительном характере культуры как отдельного народа, так и культуры общечеловеческой, которые представляют «координированный монолит, в котором настоящее определяется прошлым, а будущее – настоящим. Пренебрежение к прошлому, к традициям нарушает естественный процесс перехода к будущему» [11, с.91]. Поэтому не существует ни художников, ни писателей, ни ученых, которые бы не обращались к богатому культурному наследию. Использование в своем творчестве элементов различных и одновременных культурных наследий, их талантливая переработка создает уникальный образ художественных произведений, уникальный своими идеями научный труд и т.п. Лишь возобновив разорванные нити этих столетий и восстановив «традицию долговременного мышления, мы можем разобраться в тех человеческих проблемах, которые стоят перед нами, и в том облике человека, который возник сейчас» [9, с.18]. Частично эта задача может быть решена филологами, занимающимися различными проблемами лингвокультурологии как составляющей антропологической лингвистики.

В *задачи данной статьи* входит изучение различных подходов к оценке билингвизма и, шире, бикультурности автора текста.

Постановка проблемы. Говоря об отношениях языка и культуры, лингвокультурологи прежде всего имеют в виду влияние культуры на язык, хотя формулирование проблемы предполагает изучение «участия языка в созидании духовной культуры и участие духовной культуры в формировании языка» [12, с.25].

Среди лингвистических дисциплин наиболее «культуроносными», по определению В.А. Масловой, являются социальная диалектология, этнолингвистика, стилистика, лексикология, семасиология и др. [10, с.9]. В этот ряд мы бы добавили дисциплины, объектом исследования которых является текст, фиксирующий «национальную специфику вербального и невербального аспектов той или иной культуры» и который рассматривается как «инструмент межкультурного общения» [3, с.99]. Особое внимание при герменевтическом анализе обращается на сохраненные в тексте национально-специфические элементы иной культуры и способы их включения в текст. Инокультурные элементы тем самым, во-первых, создают некоторый колорит незнакомой культуры (иноязычное слово или словосочетание переносится в язык реципиента в оригинальном звучании и, по существу, транслитерируется), во-вторых, обеспечивают более глубокое понимание смысла текста путем раскрытия значения специфического элемента чужой культуры с помощью перевода [3, с.166].

Несмотря на разнообразие существующих на сегодняшний день направлений и методов лингвокультурологических исследований, главным объектом их анализа остается слово. Э. Бенвенист, сформулировавший антропоцентрический принцип в языке, утверждал, что исходной точкой его наблюдений служит «обычно какое-либо слово того или иного индоевропейского языка, чреватое будущими связями и ассоциациями, и вокруг него, начиная с прямого анализа особенностей его формы и смысла, затем его актуальных связей и противопоставлений, затем посредством сравнения родственных форм, мы восстанавливаем культурный контекст, в котором оно складывалось как термин, часто претерпевая глубокие изменения» [4, с.352]. Именно совпадения в лексическом составе древних языков отражают основные сферы общей культуры, в особенности материальные [4, с.351]. Исходя из этого можно предположить правильность противоположного утверждения о том, что заимствование языком-реципиентом иноязычной лексемы свидетельствует об отсутствии в культуре народа-носителя данного языка соответствующего артефакта, в связи с чем и возникает необходимость использования иноязычной лексики для наименования артефактов иной культуры. Об этом же говорил и Э. Сепир, заметивший, что независимо от уровня или характера взаимного контакта между соседствующими народами он в общем итоге всегда достаточен для установления какой-то степени языкового взаимовлияния [15, с.151]. Самым простым видом влияния ученый считал заимствование слов: «Когда есть налицо культурное заимствование, есть полное основание ожидать соответствующего заимствования слов» [15, с.152], которые могут стать отправной точкой для исследования истории культуры. Поэтому считается, что роль различных народов в развитии и распространении культурных ценностей можно почти в точности установить путем выяснения, в какой мере их лексика просачивалась в лексику других народов. Проанализировав процессы заимствований в ряде европейских языков, исследователь установил зависимость характера и размеров заимствований не только от исторических фактов культурного общения, но и от «психологической позиции самого заимствующего языка в отношении языкового материала» [15, с.153]. Но при этом ученый утверждал, что язык является наиболее устойчивым и способным к сопротивлению изо всех социальных феноменов, что легче язык уничтожить, нежели подвергнуть разложению его индивидуальную форму [15, с.162]. В следующей статье автор отмечает, что язык «может до бесконечности варьироваться индивидом, не теряя тем самым своих различительных черт; и, как всякое искусство, ... постоянно преобразуется» [15, с.172]. Поэтому язык рассматривается не как средство описания какой-либо культуры, а прежде всего как знаковая quintэссенция самой культуры. Появление в языке-реципиенте заимствованных слов и воспринимается вначале как знак, как символ иной культуры.

Заимствование слов иногда связывают с наличием в языке лакун как свидетельств несоизмеримости культур, что проявляется в несовпадении тех или иных культурных реалий, а сам процесс заимствования рассматривают как заполнение лакуны. Феномен лакуны находится в центре внимания многих современных исследователей, занимающихся проблемами лакунарности в различных подсистемах национального языка, типологией, методикой выявления лакун и др. [см., напр., 5]. Сущность данного явления состоит в раскрытии смысла некоторого понятия или слова, принадлежащего чужой для реципиента культуре. Заполнение лакуны (и языковое, и относящееся к сфере культуры в целом) может быть различной глубины, что зависит от характера (вида) элиминируемой лакуны, от типа текста, в котором лакуна существует, а также от особенностей реципиента, которому адресован текст. Заполнение лакуны может происходить в процессе взаимодействия и сосуществования языков: например, лакуна может быть заполнена путем заимствования той или иной единицы, путем включения в текст более или менее подробных комментариев к элементам чужой культуры и т. п. [см. об этом: 3, с.32, 163, 167].

Способность выявлять знаки иной культуры зависит от национальной самоидентификации, от способности человека соотносить себя с определенной национальностью и всеми ее признаками (языком, территорией проживания, социально-экономическими условиями, культурой), от этнической ментальности (самосознания), во многом определяющей поведение и поступки человека [см.: 2; 16. с.42-53] (ср.: «мысль о ментальности возникает при встрече с чем-то не похожим на нас самих, а потому менталитет может быть «тестирован» только извне» [16, с.45].

Национальное сознание проявляется не только в процессе самоидентификации. Использование элементов иной культуры (например, в качестве иллюстративного материала или заимствований, сопровождаемых комментированием, пояснением значения) свидетельствует не только об осознании наличия лакуны в собственной культуре, но и о необходимости ее заполнения.

Язык как первоэлемент любого художественного или научного произведения определяет его национальную принадлежность. Язык выступает основным критерием отнесения произведения к той или иной национальной культуре. Поэтому утверждают, что русские повести Т.Г. Шевченко, обогатившие и духовную культуру украинского народа, являются достоянием прежде всего русской культуры [14, с.316]. Н.В. Гоголя характеризуют прежде всего как писателя русского, творчество которого невозможно исключить из украинского культурного контекста, поскольку именно он, вслед за И.П. Котляревским, показал миру украинского крестьянина с его бытом, верованиями, обычаями и фольклором. Вместе с тем некоторые исследователи характеризуют участие Н.В. Гоголя в украинской культурной жизни как деструктивное, поскольку «він одібрав в Україні її мову, інкрустувавши її словами мову російську» [13, с.153]. Инициаторы создания «Русской энциклопедии», отвечая на вопрос, кого отнести к русской культуре, констатируют, что ее достойными представителями являются евреи О. Мандельштам, И. Левитан, киргиз Ч. Айтматов, а также русские по крови, но работавшие за рубежом В. Набоков, А. Солженицын и др. [16, с.95].

Но существует и иное мнение, связанное с проблемой билингвизма, широко распространенного среди писателей. Известны французские произведения А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, русские стихи Рильке, Ю. Балтрушайтиса, немецкие А.К. Толстого, М. Цветаевой. На территории бывшего СССР на родном и русском языках писали Ч. Айтматов, В. Быков, И. Друце, Ю. Шесталов, П. Загребельный и др., на русском – Ф. Искандер, Ю. Рытхэу, О. Сулейменов. На вопрос, к какой культуре отнести их творчество, однозначно ответил Ч. Айтматов: национальный писатель, пишущий по-русски,

остается писателем национальным. В одном из многочисленных интервью популярный писатель утверждал: «Думаю, когда опубликовал по-русски свою повесть «Прощай, Гюльсарь», ни у кого не оставалось сомнения, что это произведение киргизской прозы. Ведь существует не только стихия национального языка, но и национального мышления» [1, с.3].

Выводы. В связи со сказанным считаем необходимым различать, с одной стороны, проблему языка произведения и принадлежности текста той или иной культуре и, с другой, проблему национальной принадлежности, особенностей этнонационального менталитета автора произведения. Если в первом случае наблюдаем преобладание языкового принципа в решении проблемы, то во втором нет однозначного ответа. Ее рассмотрение требует учитывать как собственно лингвистические, так и экстралингвистические факты, отраженные в художественных, научных и других текстах. Мы же считаем необходимым разграничивать проблему би- или полилингвизма автора и проблему его национальной самоидентификации. Очевидно, в таких случаях следует говорить о би- или поликультурной принадлежности автора. Владение несколькими языками, свободное формулирование собственных мыслей на разных языках, нередко приводящее к лингвокультурному взаимодействию в пределах текста, делает его не только доступным и понятным представителям разных национальностей, носителям разных языков, но и становится пространством, объединяющим культурные интересы разных народов.

Список литературы

1. Айтматов Ч. Интервью // Литературная газета. – 1989. – №45. – С.3.
2. Акопов Г.В., Иванова Т.В. Феномен ментальности как проблема сознания // Психологический журнал. – 2003. – Т.24, №1. – С.47-55.
3. Антипов и др. 1989 Антипов Г.А., Донских О.А., Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А. Текст как явление культуры. – Новосибирск: Наука. 1989. – 197с.
4. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – 448 с.
5. Быкова Г.В. Лакуарность как категория лексической системологии. – Благовещенск, 2002.
6. Винокур Г.О. О задачах истории языка // Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Ч.2. – М.: УЧПЕДГИЗ, 1960. – С.243-263.
7. Гердер И.Г. Идеи и философия истории человечества. – М., 1977.
8. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – 398 с.
9. Мамардашвили М.К. Возможный человек // Человек в зеркале наук. Труды методологического семинара “Человек”. – Л.: ЛГУ, 1991. – С.6-18.
10. Маслова В.А. Лингвокультурология: Уч. пос. для студентов высш. уч. зав. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
11. Пиотровский Б.Б. Культурное наследие и его роль в жизни человечества (размышления на тему) // Человек в зеркале наук. Труды методологического семинара “Человек”. – Л.: ЛГУ, 1991. – С.89-96.
12. Постовалова В.И. Лингвокультурология в свете антропологической парадигмы (к проблеме оснований и границ современной фразеологии) // Фразеология в контексте культуры. – М., 1999. – С.25-33.
13. Русанівський В.М. Історія української літературної мови. Підручник. – К.: АртЕк, 2001. – 392 с.
14. Русановский В.М. Культура и язык // Современные славянские культуры. – К., 1982. – С.316.
15. Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи /Перевол с англ., прим., вступ. ст. А.М. Сухотина. – М., Л.: СОЦЭКГИЗ, 1934. – 223 с.
16. Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии: Уч. пос. / Под ред. В.Д. Бондалетова. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 184 с.

Поступила в редакцию 20.01.2006 г.